

И. К. НОРД

РЫЩАРЬ
— БЕЗ КОРОЛЕВСТВ —

И. К. Норд

Рыцарь Без Королевств

«Автор»

2026

Норд И.

Рыцарь Без Королевств / И. Норд — «Автор», 2026

«Рыцарь Без Королевств» — философское фэнтези о свободе, власти и цене выбора. На равнине, где не строят стен и не признают королей, рождается город без трона и короны. Здесь решения принимают в круге, а не по приказу. Но мир вокруг меняется: северный правитель строит империю порядка, и город без королевства становится угрозой для системы. Когда начинается давление — экономическое, политическое и военное — один человек делает шаг вперёд. Его называют Рыцарем Без Королевств. Перед ним выбор: сохранить чистоту идеи или войти в сердце власти, чтобы изменить её изнутри. Это политическое фэнтези и социальная сага о борьбе систем, ответственности и хрупкости свободы. Роман для тех, кто ищет глубокий сюжет, моральные дилеммы и интеллектуальную прозу.

© Норд И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Первый камень	6
Часть первая. Пять огней	9
Глава 1. Чужой след	9
Глава 2. Вежливые люди	12
Глава 3. Пепел без врага	14
Глава 4. Погасший огонь	17
Глава 5. Суд под открытым небом	20
Глава 6. Цена покровительства	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

И. К. Норд

Рыцарь Без Королевств

Все персонажи, государства, поселения и события этой книги вымышлены. Любые совпадения случайны.

Корона начинается не с золота. Она начинается с минуты, когда один человек решает, что другим больше не нужно выбирать.

Пролог. Первый камень

Равнина начиналась там, где у путника заканчивался страх перед пустотой.

Здесь не было ни башен, ни городских ворот, ни крепостного рва. Низкие дома из серого камня прижимались к земле, чтобы зимний ветер не сорвал крыши. По утрам соль выступала на почве белыми прожилками, и казалось, будто ночью небо осыпалось, а звёзды застряли в сухой траве.

Люди пришли сюда не ради красоты. Красота обнаружилась позже, когда они научились отличать десять оттенков пыли и угадывать дождь по запаху камня. Они пришли потому, что эту землю никто не хотел отнимать. На ней было мало воды, мало деревьев и слишком много ветра. Для королей она считалась бесполезной.

Первым, кто вышел навстречу тени, был не воин.

Арден разбудили до рассвета. Стук в дверь был торопливым, но не испуганным: так стучат люди, которые ещё надеются, что тревога окажется ошибкой.

— На востоке что-то движется, — сказал гончар Тевен. — Много. Дозорные не могут понять, что.

Арден надел плащ поверх ночной рубахи и вышел на площадь. Его называли писцом, хотя жалованья он не получал и печати не имел. В его доме стоял длинный стол, за которым заключали сделки, мирили соседей и записывали имена новорождённых. Арден говорил, что память без записи похожа на колодец без каменной обкладки: сколько ни наполняй, стены однажды осыплются.

На горизонте лежала тёмная полоса. Сначала её приняли за пыльную бурю, потом за дым степного пожара. Но полоса двигалась слишком медленно и ровно.

К полудню стало видно людей.

Их были сотни. Они шли вперемешку: женщины, старики, дети, мужчины с пустыми ножами и обломанными древками копий. Кто-то вёз на тележке узлы, кто-то нёс на руках тех, кто уже не мог идти. Над толпой не было знамени.

На площади заговорили о запасах воды. Потом — об оружии. Потом кто-то произнёс слово «ограда», и несколько мужчин тут же начали выбирать камни покрупнее.

Арден слушал, пока спор не превратился в крик. Тогда сквозь толпу протиснулась десятилетняя Лиора — худенькая, с коротко обрезанными волосами и листом в руке.

— Ты умеешь писать ровно, — сказала она Ардену. — Перепиши.

На листе угольком было выведено: «Мы не враги. Если вы ищете дом, мы поделимся тем, что есть. Если ищете добычу — здесь её нет».

— Кто тебе это продиктовал?

— Никто.

— А если они всё-таки пришли за добычей?

Лиора посмотрела на тень, в которой уже можно было различить отдельные лица.

— Тогда письмо не сделает хуже.

Арден переписал её слова на чистый лист, хотя понимал: никто в той толпе не увидит букв с расстояния. Бумага была нужна не пришельцам. Она была нужна тем, кто стоял за его спиной.

Он вышел один. Ноги дрожали, и это злило его сильнее, чем приближающаяся толпа. В сотне шагов от поселения люди остановились. Из их ряда вышла женщина с окровавленной повязкой на плече. Она держала за руку девочку лет пяти.

Арден прочёл письмо.

Женщина слушала, не отводя глаз. Потом спросила:

— Сколько у вас колодцев?

— Три.

— Один пересохнет, если нас впустить.

— Знаю.

— А если среди нас есть воры?

— Среди нас тоже есть.

Женщина впервые улыбнулась, и от этой усталой улыбки страх Ардена отступил.

— Мы пришли из Марки, — сказала она. — Наш город сожгли войска короля, которому было нужно доказать, что он ещё король. Мы не просим вечного дома. Только зиму.

Они остались навсегда.

Позже выяснилось, что имя женщины — Эла, а девочка рядом с ней была не дочерью, а последней наследницей дома, из-за которого в далёкой Марке шла война. Арден записал это в личную тетрадь и спрятал её отдельно от общих свитков. Эла попросила его не оставлять ребёнку корону в наследство.

— Оставь ей имя, — сказала она. — Корона снова приведёт за ней людей с огнём.

Арден согласился. Он не знал, что через много лет эта запись станет самым опасным оружием на Равнине.

Новоприбывшие помогли углубить колодцы. Вместе с прежними жителями они проложили водосборные каналы, поставили ветряные колёса, научились укреплять крыши. Люди ссорились, женились, менялись ремёслами и словами. Через десять лет никто уже не мог точно сказать, где кончаются «пришедшие» и начинаются «местные».

Лиора выросла и заняла место Ардена за длинным столом. Она писала резче, чем он, и спорила громче. При ней вокруг первого поселения появились ещё три. Дороги между ними расходились по равнине, как нити на ладони.

Именно тогда с севера пришло войско.

Его предводитель говорил о защите, едином законе и знамени, под которым малые поселения станут частью великого порядка. Он не грозил. За его спиной стояли двести вооружённых людей, поэтому ему не приходилось грозить.

— Без владыки долго не живут, — сказал он Лиоре.

— Мы живём.

— Пока вас никто не захотел взять.

— Вы захотели.

Предводитель рассмеялся. Ночью его солдаты сидели у костров вместе с жителями, пили кислое вино и слушали истории о сожжённой Марке. Утром половина войска ушла дальше. Несколько десятков человек сложили знамёна и остались на Равнине.

Среди них был Эрин — молчаливый оруженосец, который не верил в города без стен, но ещё меньше верил в правителей, посылавших других умирать за своё имя.

Рыцарем его назвали много позже.

В тот год в восточном поселении мужчина по имени Асер зарезал соседа во время драки. Погибший оскорбил его жену и первым схватился за нож, но это не возвращало ему жизнь. На общий круг пришли родственники обоих. Одни требовали крови, другие — изгнания. Пока люди спорили, рядом с длинным столом уже сложили камни: хотели огородить площадь и запира́ть обвиняемых внутри.

Эрин вышел из толпы без доспехов. На нём была старая солдатская куртка, меч висел за спиной, чтобы никто не принял его за угрозу.

— Вы зовёте стену судом, — сказал он. — Но суд должен отвечать не только за наказание. Он должен отвечать за то, что будет потом.

— Ты предлагаешь отпустить убийцу? — спросил брат погибшего.

— Нет. Я предлагаю сделать так, чтобы его жизнь больше не принадлежала только ему.

Асер десять лет укреплял северную трещину, где после землетрясения уходила вода. Половина его заработка доставалась семье убитого. Каждый год он возвращался на площадь и рассказывал подросткам о той минуте, когда позволил гневу решить за себя. Это не было прощением. Родные погибшего ещё долго отворачивались при его появлении. Но новых камней вокруг стола не прибавилось.

Первый так и лежал на земле.

— Он ведёт себя как рыцарь, — сказала однажды маленькая Мире, наблюдая, как Эрин снимает меч перед началом круга.

— Рыцарь чего? — спросила Лиора. — У нас нет королевства.

Мире задумалась.

— Тогда рыцарь без королевства.

Название прижилось, хотя Эрин сердился всякий раз, когда его так называли. Он не возглавлял поселения и не получал платы за службу. Он ездил по дорогам, разбирал споры, учил дозорных и задавал один вопрос, когда люди снова предлагали построить стену:

— Она нужна нам, чтобы защитить жизнь, или чтобы больше не видеть тех, кого мы боимся?

Ответ не всегда был удобным. Иногда появлялись изгороди от скота, каменные заслоны от песчаных бурь, башни над колодцами. Эрин не поклонялся открытости. Он знал цену укрытию. Но ни одна стена не получила ворот, которые один человек мог запереть изнутри.

Перед смертью он поднялся на дозорную башню вместе с Мире. Ей было двенадцать. Ему — шестьдесят три.

Внизу горели четыре огня — четыре поселения, связанные дорогами.

— А если однажды здесь всё-таки появится король? — спросила девочка.

Эрин долго смотрел на равнину.

— Тогда он появится не на коне, — сказал он. — Он встанет из-за нашего стола. И кто-то из тех, кто любит его, должен будет первым сказать ему «нет».

Через неделю Эрина похоронили у северной трещины. Камень у длинного стола остался лежать.

Дети сидели на нём, когда слушали истории. Взрослые клали на него ладонь перед трудными решениями. Со временем смысл жеста стирался, но камень терпеливо ждал.

Почти полвека спустя к нему подошёл Кеан, сын Асера.

На северной дороге горели чужие факелы.

А в его руке лежала страница, написанная почерком мёртвого Ардена.

Часть первая. Пять огней

Глава 1. Чужой след

Страница пахла свежим дымом.

Кеан поднёс её к лампе и снова прочитал три строки. Чернила успели высохнуть, края были обожжены, а буквы выглядели так, будто их вывел человек, умерший почти шестьдесят лет назад.

«Городу понадобится единая рука. Свобода хороша для малых времён. Когда нас станет много, мы сами попросим владыку».

Под текстом стояла подпись Ардена.

— Где ты это взял? — спросила Мире.

Она сидела за тем самым длинным столом, который успели трижды починить и один раз разобрать во время великого переселения. Теперь стол стоял в каменном доме архива. Стены здесь были толстыми не ради защиты от людей — бумага не любила сырости и огня.

Кеан положил рядом кожаную перчатку. На тыльной стороне темнело пятно крови.

— На соляной дороге. В двух милях от пятого поселения. Странника Брана нашли в овраге. Жив, но говорить пока не может. Страница была зашита в подкладку его плаща.

Сайла, хранительница архива, придвинула лампу. Ей было тридцать четыре, на год меньше Кеана, и за последние пятнадцать лет он ни разу не видел, чтобы она торопилась. Сейчас её пальцы двигались быстрее обычного.

— Подпись похожа, — сказала она.

— Похожа? — Мире подняла седую голову. — Ты видела его записи чаще любого из нас.

— Поэтому и говорю: похожа. Арден нажимал сильнее в конце слова. Здесь нажим одинаковый. И чернила...

Она осторожно коснулась края листа.

— Что с ними?

— Старые чернила трескаются на сгибе. Эти гнутся.

Кеан посмотрел на страницу. Ради неё Брана избили или пытались убить. Если подделка была рассчитана на простой взгляд, зачем прятать её так тщательно?

Мире словно услышала его мысль.

— Её не прятали от нас, — сказала она. — Её несли нам. Вопрос — зачем.

Снаружи зазвонил колокол северной башни. Один удар, второй, третий. Не тревога. Возвращение дозора.

Кеан забрал перчатку.

— Я поговорю с Браном.

— Он без сознания, — напомнила Сайла.

— Значит, поговорю с тем, кто его нашёл.

— Сначала поешь.

— Потом.

— Ты всегда говоришь «потом», а затем валишься где-нибудь на дороге.

— Один раз.

— Два.

Несмотря на тревогу, Мире улыбнулась. Кеан не ответил. С Сайлой они спорили так давно, что могли продолжать даже во сне. Когда им было по семнадцать, она ждала его после первого дальнего обхода, а он вернулся на три недели позже и считал достаточным объяснением то, что мост снесло паводком. С тех пор она научилась не ждать вслух.

На улице ветер резал лицо мелкой солью. Первый Круг вырос за последние годы: вокруг площади стояли мастерские, школа памяти, дом лекарей, два постоянных двора. Но назвать его городом всё ещё было трудно. Между домами оставались широкие проходы, и дорога могла войти с любой стороны.

У дома лекарей толпились люди. Новость о Бране разошлась раньше дозора. Кean увидел Иару — ученицу школы памяти. Пятнадцатилетняя девушка стояла на каменной ступени, чтобы видеть поверх взрослых, и прижимала к груди стопку дощечек.

— Тебя сюда не посылали, — сказал он.

— А тебя?

— Я странник.

— А я записываю события.

— Ты учишься записывать события.

— Если дождусь, пока научусь, половина событий уже соврёт о себе.

Кean хотел отправить её обратно, но из дома вышел лекарь Демен.

— Очнулся, — сообщил он. — Ненадолго. Одного впущу.

Иара прыгнула со ступени.

— Одного взрослого, — уточнил Демен.

В комнате пахло уксусом и варёной тканью. Бран лежал на боку; одна половина лица распухла, губы были разбиты. Его левая рука покоилась в лубке.

— Кean? — прошептал он.

— Я здесь. Кто на тебя напал?

Бран попробовал подняться, застонал и снова опустился на подушку.

— Не видел лиц. Одинаковые серые плащи. Спросили, что я везу. Я сказал — новости.

— Они нашли страницу?

В здоровом глазу мелькнуло удивление.

— Какую страницу?

Кean не сразу ответил.

— В подкладке плаща.

— Там ничего не было.

— Подумай. Может, кто-то передал тебе свёрток?

— Никто. Я зашивал подкладку в третьем поселении, у кожевника. После этого плащ не снимал, кроме ночлега в старой сторожке.

— Ты был один?

— Когда ложился — да.

Бран закашлялся. Демен шагнул к кровати, но странник схватил Кеана за рукав.

— Они сказали... — Он с трудом втянул воздух. — Сказали: «Передай рыцарю, что прошлое тоже умеет подчиняться».

— Какому рыцарю?

— Они называли тебя.

Кean выпрямился.

На Равнине это прозвище употребляли редко и обычно в шутку. Он не был Эрином, не судил людей и не любил стоять на площади. Его работа начиналась там, где кончались дороги. Он искал воду, договаривался с караванами, сопровождал детей между поселениями и возвращал тех, кто заблудился в соляном тумане.

За пределами Равнины его называли иначе: человек без знамени.

— Отдыхай, — сказал он Брану.

У двери Демен остановил его.

— Раны нанесли не для убийства. Били долго, но берегли голову и живот. Хотели, чтобы он вернулся живым.

Кеан кивнул. Страница была посланием, нападение — печатью.

На улице Иара всё ещё ждала.

— Что он сказал?

— Ничего для школьной записи.

— Значит, что-то важное.

— Иара.

Она подняла ладони, но отступать не собиралась.

— Хорошо. Тогда я скажу тебе. Вчера в школе был человек из пятого поселения. Просил показать ранние копии Ардена. Когда Сайла отказала, он спросил, правда ли, что часть тетрадей хранится отдельно.

— Как его звали?

— Талор. Он торгует железом.

Кеан знал Талора. Умный, обходительный, один из тех, кто умел произнести слово «выгода» так, будто делал подарок.

— Почему ты не сказала раньше?

— Потому что он всего лишь задавал вопросы. В школе нас учат не превращать подозрение в доказательство.

— Правильно учат.

— Но теперь у нас есть избитый странник и поддельная страница.

— У нас есть страница. Что она поддельная, ещё нужно доказать.

Иара прищурилась.

— Ты сам в это не веришь.

Он не успел ответить. На площади снова зазвонил колокол — на этот раз пять коротких ударов.

С северной дороги приближались всадники.

Их было шестеро. Они ехали без поднятого оружия, но в одинаковых тёмно-синих плащах. На пряжках блестел знак рассечённого солнца — герб Вейрской короны.

Впереди ехал командир Ретан, уже однажды приезжавший «посмотреть» на город без стен.

Кеан видел его издалека, но и этого хватило, чтобы заметить свёрнутый пергамент у седла.

Север привёз предложение.

И кто-то позаботился, чтобы Равнина встретила его в страхе.

Глава 2. Вежливые люди

Ретан спешил к самому длинному столу, хотя площадь позволяла проехать до дверей архива. Этот жест заметили все. Человек, который оставляет коня за кругом, признаёт, что пришёл говорить, а не приказывать.

Сам командир выглядел старше, чем помнил Кеан. В тёмных волосах появилась седина, от правого виска к уху шёл тонкий шрам. Ретан не носил парадных доспехов; только кожаный панцирь под плащом и меч с потёртой рукоятью.

— Хранительница Мире, — поклонился он. — Король Варлен приветствует жителей Равнины.

— У нас пять поселений, — ответила Мире. — В каждом найдутся люди, которые не любят, когда за них отвечают. Поэтому приветствие придётся принять по отдельности.

Ретан улыбнулся краем губ.

— Я помню.

Всадники поставили на стол узкий ларец. Внутри лежала грамота с красной печатью, карта северных дорог и слиток железа такой чистоты, какую кузнецы Равнины получали редко.

Люди тянулись ближе. С пятого поселения приехали почти все старшие мастера, включая Талора. Он стоял рядом с молодым оружейником Рианом и разглядывал слиток так, будто уже считал, сколько клинков из него получится.

— Король Варлен предлагает договор о покровительстве, — сказал Ретан. — Ваши поселения сохраняют законы, круги и внутренние решения. Север берёт под охрану дороги, предоставляет железо по казённой цене и защищает от шаарских набегов. Взамен вы платите десятую часть торгового дохода и выставляете сорок воинов, когда корона объявляет общий сбор.

— Под чьим знаменем? — спросил Асер.

Отец Кеана сидел на краю площади, опираясь на палку. Его правая рука плохо разгибалась после десятилетий у северной трещины. Люди перестали видеть в нём убийцу, но сам он об этом не забывал.

— Под королевским, — ответил Ретан.

— Значит, мы сохраняем всё, кроме права решать, с кем воевать.

— Вы сохраняете право жить.

По площади прошёл ропот. Ретан поднял ладонь.

— На западе шаарские роды объединились. Два города уже сожжены. Ещё три просили защиты слишком поздно. Варлен не хочет видеть Равнину четвёртой.

— А чего он хочет? — спросил Кеан.

Ретан повернулся к нему.

— Чтобы на карте не оставалось места, через которое враг может пройти без разрешения.

— Вот оно, — тихо сказала Сайла рядом. — Не защита. Разрыв на карте.

Мире попросила три дня на общий круг. Ретан согласился и велел своим людям разбить лагерь за северным колодцем. Ни один солдат не вошёл в дома без приглашения.

Вежливость оказалась тяжелее угрозы. У угрозы есть направление, а вежливость заставляет сомневаться в собственном отказе.

К вечеру в постоялом дворе уже обсуждали цену железа. Риан показывал кузнецам слиток и уверял, что при стабильных поставках пятое поселение удвоит производство. Матери вспоминали набег, о которых рассказывали караванщики. Молодые люди представляли северные города, жалованье и форму.

— Они даже не солгали, — сказала Сайла, когда они с Кеаном вернулись в архив.

— Пока.

— Это ты считаешь достоинством или недостатком?

— Не решил.

Она положила поддельную страницу между двумя пластинами стекла. На столе стояли чашки с водой, уксусом и настоем чернильного ореха.

— Я соскоблила крупицу с края. Чернила сделаны не здесь. В них есть медный порошок. Так пишут северные нотариусы: текст темнеет и дольше не выцветает.

— Значит, Ретан привёз её?

— Нет. Значит только то, что её написал человек, знающий северный состав.

Кеан прошёл вдоль полок. На них хранились копии договоров, судебные решения, письма, списки умерших. Обычная жизнь занимала больше места, чем легенды.

— Иара сказала, Талор спрашивал о личных тетрадах Ардена.

Сайла замерла.

— Когда?

— Вчера.

— Почему она не сообщила мне?

— Потому что ты научила её не путать любопытство с преступлением.

— Иногда я слишком хорошо учу.

Она подошла к дальней стене, отодвинула лестницу и вынула из ниши плоский деревянный ящик. В нём лежали семь тетрадей, обёрнутых тканью.

— Должно быть восемь, — сказала Сайла.

Кеан почувствовал, как в комнате стало холоднее.

— Какая пропала?

— Последняя личная тетрадь Ардена. Та, которую Мире велела никогда не выставлять в школе.

— Что в ней?

— Не знаю. Она была запечатана ещё при Лиоре.

— Ты хранительница и не открывала её?

Сайла посмотрела так, что он пожалел о вопросе.

— Хранить не значит владеть.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Иара, запыхавшаяся, с растрёпанными волосами.

— В пятом поселении пожар.

Снаружи уже кричали. Над восточным краем Равнины поднималось красное зарево.

Кузнечный склад, где хранилось оружие и уголь, горел так ярко, что ночь отступила на несколько миль.

Кеан выбежал на площадь. Ретан стоял у коня, отдавая приказ своим солдатам.

— Мои люди помогут тушить, — сказал он.

— Останутся под присмотром, — ответил Кеан.

Командир не обиделся.

— Разумеется.

До пятого поселения было семь миль. Они ехали галопом, обгоняя телеги с бочками. Ветер дул на жилые дома. Если огонь доберётся до сушилен, загорится весь восточный ряд.

Кеан первым увидел человека, выбежавшего из дыма. На нём горела куртка. Он сбил его с ног, накрыл своим плащом и прижал к земле.

— Внутри дети! — закричал мужчина. — Двое учеников пришли за инструментами!

Кеан поднялся, но Сайла схватила его за руку.

— Крыша падает.

— Я слышал.

— Кеан!

Он вырвался и вошёл в огонь.

Глава 3. Пепел без врага

В дыму не существовало ни севера, ни юга, ни королей.

Существовал только следующий вдох.

Кеан обмотал лицо мокрым рукавом и двинулся вдоль стены. Слева рушились полки, раскалённые гвозди сыпались на земляной пол. Он звал детей, но голос тонул в гуле.

Из глубины склада донёсся стук.

Дверь инструментальной кладовой заклинило. Кеан ударил плечом, потом ещё раз. Дерево не поддавалось. В щели мелькнули пальцы.

— Отойдите! — крикнул он.

Он вытащил короткий дорожный топор и рубанул возле засова. После четвёртого удара дверь вылетела внутрь. Мальчик лет двенадцати выскочил сам; девочку пришлось нести. Она дышала, но не открывала глаз.

На обратном пути перед ними рухнула балка. Искры взметнулись до потолка. Кеан отступил, прижимая девочку к груди. Другого выхода он не видел.

Тогда в проломе стены появился Ретан.

Командир и двое северных солдат били кувалдами по каменной кладке. Снаружи им помогали кузнецы. Через несколько ударов проём стал достаточно широким.

— Давай ребёнка! — крикнул Ретан.

Кеан передал ему девочку, вытолкнул мальчика и выбрался последним. Едва он упал на землю, крыша склада сложилась внутрь.

Сайла опустилась рядом на колени. Она проверила его руки, лицо, потом неожиданно ударила ладонью по плечу.

— Никогда больше.

— Хорошо.

— Ты даже не спросил, что именно.

— Поэтому легче согласиться.

Она хотела ответить, но вместо этого прижалась лбом к его виску. Всего на мгновение. Потом снова стала хранительницей, распоряжавшейся людьми и спасёнными книгами.

Пожар тушили до рассвета. Склад погиб, три соседние мастерские лишились крыш, пятеро получили ожоги. Дети выжили. Северные солдаты работали вместе со всеми; один сломал руку, когда на него упала жердь.

Утром Ретан стоял среди мокрого пепла и смотрел на оплавленные наконечники копий.

— Удобное время для пожара, — сказал Кеан.

— Ты обвиняешь меня?

— Я проверяю, как звучит мысль вслух.

— Звучит глупо. Если бы я хотел напугать вас, я сжёг бы амбар с зерном. Без железа вы беднее. Без зерна вы соглашаетесь быстрее.

Ответ был настолько спокойным, что Кеан поверил ему больше, чем хотел.

Сайла нашла место поджога у северной стены склада. Масляный след тянулся от разбитого кувшина к ящикам с углём. Замок не взламывали.

— Поджигатель вошёл ключом, — сказала она.

У Риана ключ был. Ещё один хранился у старшего кузнеца. Третий висел в доме совета пятого поселения.

Риан пришёл сам. На его щеке темнел ожог, руки были в саже.

— Я открыл склад вечером, — сказал он. — Проверил новую партию. Ушёл до заката.

— Кто видел? — спросил Кеан.

— Талор. Мы были вместе.

Талор подтвердил. Слишком быстро.

По поселению уже ходили слухи. Кто-то видел северного солдата у склада. Кто-то уверял, что противники договора готовили провокацию. К полудню две группы едва не подрались у колодца.

Мире приехала в закрытой повозке. Дорога давалась ей всё тяжелее, но она отказалась ждать в Первом Круге.

— Пожар не уничтожил поселение, — сказала она на собрании. — Не помогайте ему закончить работу.

— Мы должны решить вопрос с договором сейчас, — крикнул мужчина из толпы. — Пока не сгорело остальное.

— Именно поэтому сейчас мы ничего решать не будем.

— Северяне здесь! Склад сгорел в ту же ночь!

Ретан вышел вперёд.

— Мои люди готовы сложить оружие до окончания расследования.

Это вызвало новый шум. Обвиняемый, который добровольно отдаёт меч, выглядит либо честным, либо очень умным.

Кеан заметил Иару у обгоревшей стены. Она присела и рассматривала землю.

— Не трогай ничего, — сказал он.

— Уже поздно. Тут прошли сто человек.

— Тем более.

— Но не по этой доске.

Она указала на узкую плаху, которую отбросило взрывом. На внутренней стороне застрял клочок тёмно-зелёной шерсти.

Северные плащи были синими.

Риан носил зелёную рабочую куртку.

Кеан завернул клочок в ткань. Когда поднял голову, увидел Риана у колодца. Молодой оружейник смотрел прямо на него.

В его взгляде не было испуга.

Только усталое ожидание.

Вечером Риан исчез.

Его конь остался в стойле, деньги — в доме. Следы вели к новому мосту через восточный овраг, тому самому, который строил Асер вместе с людьми пятого поселения.

Кеан отправился один. Сайла догнала его за последними домами.

— Не начинай, — сказал он.

— Я не собиралась.

— Ты взяла меч.

— Это дорога ночью.

— Ты не умеешь им пользоваться.

— Зато противник может об этом не знать.

У моста они нашли Риана. Он сидел на недостроенном парапете, свесив ноги над оврагом. Рядом лежал пустой кувшин из-под масла.

— Я думал, вы придёте раньше, — сказал он.

Кеан остановился в десяти шагах.

— Зачем?

— Чтобы вы наконец решили.

— Что именно?

— Что мир изменился. Что нельзя бесконечно обсуждать, когда вокруг собираются королевства. Варлен даёт нам железо, дороги, защиту. А мы отвечаем ему старой историей про камень.

Сайла побледнела.

— Там были дети.

— Их не должно было быть. Я проверял.

— Огонь не читает твоих планов, — сказал Кеан.

Риан сжал край парапета.

— Я не хотел никого убивать. Только напугать. Склад был застрахован общими запасами.

Мы бы отстроили его с северным железом.

— Ты поджёг дом, чтобы доказать, что нам нужен тот, кто защитит от поджога.

— Я хотел ускорить решение.

Кеан подошёл ближе. Перед ним сидел не чудовище, а человек, с которым он два месяца назад чинил водяное колесо. Именно это делало признание страшным.

— Кто дал тебе страницу Ардена?

Риан резко поднял голову.

— Какую страницу?

Растерянность выглядела настоящей.

— Ты работал с Талором?

— Он знает о пожаре. Помог выбрать время. Но о страницах я ничего не знаю.

Сайла и Кеан переглянулись.

Значит, на Равнине действовали по меньшей мере две чужие воли. Одна хотела подтолкнуть людей к договору. Другая переписывала прошлое.

Снизу донёсся треск.

Мост вздрогнул.

Риан вскочил, но камень под его ногой ушёл вниз. Он сорвался с парапета. Кеан успел схватить его за запястье. Боль прострелила обожжённую ладонь.

— Отпусти! — заорал Риан. — Я всё равно погубил себя!

— Это решать не тебе одному.

Сайла легла на доски и ухватила Кеана за пояс. Вместе они вытянули Риана на мост.

Тот лежал, задыхаясь, и плакал без звука.

Под ними осыпалось основание, заложенное в мягкую землю.

А далеко на западе погас один из пяти сигнальных огней.

Кто-то перерезал связь между поселениями.

Глава 4. Погасший огонь

Сигнальный огонь не гас сам.

Для этого нужно было подняться на западный курган, открыть железный кожух и высыпать из жаровни песок. Дозорный менялся каждые четыре часа. Если он покидал пост, на соседнем холме зажигали тревожный факел.

Ни тревожного факела, ни дозорного не было.

Кеан оставил Риана под надзором Сайлы и поскакал на запад. За ним увязались трое: старый Асер, хотя сын дважды велел ему вернуться, Ретан и северный солдат по имени Холт.

— Твои люди останутся в пятом поселении, — сказал Кеан командиру.

— Мои люди останутся там, где их обвиняют в поджоге, а я поеду с тобой искать того, кто режет ваши сигналы. Так честнее.

— Для кого?

— Для меня.

Они ехали без фонарей. Луна давала достаточно света, а открытое пламя было видно за мили. У подножия кургана Кеан спешился. Ветер тянул запахом холодной золы и чем-то ещё — сладковатым, металлическим.

Кровью.

Дозорный лежал за каменным навесом. Парень по имени Лем, девятнадцати лет, сын мельника из второго поселения. Горло цело, на груди не было ран. Асер приложил пальцы к его шее.

— Жив.

На затылке темнела шишка. Кто-то ударил его сзади, связал и спрятал. Узел был военный, затянут так, чтобы не перекрыть дыхание.

Ретан присел рядом.

— Не наш узел.

— А чей?

— Шаарский. Или тот, кто хочет, чтобы мы так подумали.

На вершину вели два следа. Один человек поднимался в мягких сапогах, второй — в обуви с подковками на носках. Кеан знал такие: их делали на северных постоянных дворах, чтобы сапоги дольше служили на каменных дорогах.

У жаровни следы расходились. Человек в мягких сапогах ушёл к южному склону. Второй вернулся на дорогу.

— Они не вместе ушли, — заметил Холт.

— Или хотели, чтобы мы разделились, — сказал Асер.

Кеан посмотрел на отца. Тот тяжело опирался на палку, но глаза оставались ясными.

— Ты остаёшься с Лемом.

— Я прожил достаточно, чтобы сам выбирать, где оставаться.

— А я прожил достаточно, чтобы не спорить с тобой посреди ночи. Ретан, дорога твоя. Я пойду на юг.

— Один?

— Так тише.

Он спустился с кургана, ведя коня в поводу. Южный след быстро ушёл с каменистой земли на солончак. Луна отражалась в белых пятнах, и расстояние обманывало: низкий куст казался всадником, тень оврага — стеной.

Через полмили Кеан услышал звон металла. Не оружие. Цепочка на сбруе.

Впереди двигалась лошадь без седока.

Кеан догнал её у сухого русла. На поводе осталась кровь. За руслом лежал человек в тёмно-зелёном плаще, лицом вниз.

Он был мёртв.

Кеан перевернул тело и узнал Орс — наёмного перевозчика из третьего поселения. Орс возил руду, брал деньги за молчание и гордился тем, что не интересуется содержимым чужих тюков. В груди торчал узкий нож. На рукояти был вырезан знак рассечённого солнца.

Слишком удобная улика.

В седельной сумке лежали две серебряные монеты Вейра, небольшой пузырёк с медным порошком и список имён. Первым значился Талор. Вторым — Риан. Третьим — Кеан.

Рядом с каждым именем стояла сумма.

Кеан перечитал список дважды. За Риана уже было уплачено. Возле Талора стояла половина. Напротив Кеана — пусто.

В кустах треснула ветка.

Кеан пригнулся. Стрела прошла там, где только что была его шея, и ударилась в камень. Он отпустил повод, перекатился в русло и вытащил меч.

Вторая стрела пришла сверху. Кеан прикрылся седельной сумкой; наконечник пробил кожу и застрял в сложенном списке.

Стрелок побежал.

Кеан услышал шаги по кромке оврага, рванулся следом и увидел силуэт в мягких сапогах. Человек двигался легко, будто знал русло. Между ними оставалось двадцать шагов, потом десять.

Беглец бросил что-то под ноги. В лунном свете блеснула рассыпанная соль. Кеан поскользнулся на гладких кристаллах, ударился коленом и потерял несколько секунд. Этого хватило. За поворотом ждала лошадь.

Когда Кеан выбрался на равнину, всадник уже уходил к югу.

Но перед тем как исчезнуть, он обернулся.

Лица Кеан не разглядел. Только белую полосу ткани на левой руке.

Такую повязку носили странники Равнины.

Он вернулся к телу Орс. Стрела в сумке была шаарской, нож — северным, плащ — местным. Кто-то собирал улики, как актёр костюм, и не боялся переборщить.

Ретан нашёл его на рассвете. Командир привёл человека в подбитых железом сапогах — молодого торгового писца, который дрожал так, что не мог держать кружку.

— Он пришёл с нами, — сказал Ретан. — Ночью получил приказ забрать пакет с кургана.

— От кого?

Писец протянул запечатанную полоску бумаги. На ней стояла личная метка Талора.

«Сигнал погаснет. Возьми то, что оставят у северного камня. Не задавай вопросов».

— Пакета не было, — сказал Ретан. — Был только он. И ваши следы.

Кеан показал список.

Командир прочитал, не меняясь в лице. Потом достал нож из груди Орс, вытер о траву и внимательно осмотрел знак.

— Подделка, — произнёс он.

— Откуда знаешь?

— Солнце на военных клинках рассечено сверху вниз. Здесь — слева направо. Так рисуют герб люди, которые видели его на флаге, но не держали королевского оружия.

— Значит, ваши руки чисты?

— Нет. Значит, этот нож не доказывает обратного.

Асер молча смотрел на мёртвого Орс.

— Риан признался в пожаре, — сказал Кеан. — Талор помогал. Но они не нападали на Брана и не убивали Орс.

— Откуда уверенность? — спросил Ретан.

— Риан хотел заставить нас принять ваш договор. Тот, кто подложил страницу, хочет большего. Он хочет, чтобы мы перестали верить не вам — себе.

Они поднялись на курган. Лем пришёл в сознание и помнил только голос за спиной.

— Сказал: «Не оборачивайся, брат», — прошептал дозорный. — Я подумал, что это Корс. У них голоса похожи.

Корс был одним из двенадцати странников Кеана. Умел находить дороги после бури, трижды проходил через шаарские земли, знал все сигнальные посты.

На его левой руке оставался шрам от ожога. Он всегда закрывал его белой тканью.

Кеан вспомнил всадника, уходившего на юг.

— Где Корс? — спросил Асер.

— В восточном обходе. Должен вернуться завтра.

Ретан взглянул на погасшую жаровню.

— Если вернётся.

Кеан разжёг огонь заново. Пламя поднялось, и через несколько минут ответили соседние холмы: один, второй, третий, четвёртый.

Пять огней снова горели.

Но теперь Кеан знал: человек, который мог пройти между ними незамеченным, уже был внутри сети.

Глава 5. Суд под открытым небом

Риана привели на площадь без цепей.

Он сам попросил не связывать руки. Мире согласилась, но поставила рядом двух дозорных. После пожара город не мог позволить себе жест, который выглядел бы красивее, чем был безопасен.

На длинном столе лежали обгоревшая доска, пустой кувшин и зелёный клочок ткани. Рядом Сайла разложила карту склада. Она отметила место начала огня, комнаты, где нашли детей, и дома, до которых долетели искры.

— Это не спектакль, — сказала Мире собравшимся. — Мы не будем превращать признание в доказательство всего, что нам удобно. Риан отвечает за поджог. Убийство ОРСА, нападение на Брана, пропавшая тетрадь и погасший огонь расследуются отдельно.

Талор не пришёл. Его дом нашли пустым. Слуга уверял, что хозяин уехал на юг до рассвета.

Риан стоял, глядя на свои руки.

— Я поджёг склад, — сказал он. — Талор знал. Он говорил, что страх заставит круг принять договор. Обещал, что огонь потушат быстро. Я поверил, потому что хотел верить.

Мать спасённой девочки шагнула к нему.

— Ты запер дверь кладовой?

— Нет.

— Тогда кто?

Риан побледнел.

— Я не знаю. Дети вообще не должны были там быть.

Женщина ударила его. Дозорные не успели остановить. Риан качнулся, но не поднял рук.

— Моя дочь не должна была быть там, — повторила женщина. — Так ты собирался объяснить её смерть?

— Никак.

— Правильно. Потому что объяснения бы не осталось.

Она отошла сама. На площади никто не требовал её наказать.

Спор длился до полудня. Одни хотели изгнать Риана. Другие требовали выдать его короне: северные законы за поджог оружейного склада предусматривали виселицу. Родители детей настаивали, что человек, готовый играть чужими жизнями, не должен свободно ходить среди них.

— Если мы запрем его, понадобится место, — сказал старший пятого поселения. — Охрана. Правила. Мы всё равно построим стену, только назовём её иначе.

— Стена вокруг опасного человека не делает нас королевством, — возразила Сайла. — Королевством нас сделает право одного решать, кого считать опасным.

Кеан слушал и думал о суде Эрина над его отцом. Асер избежал казни, но сорок лет нёс последствия. Это решение стало легендой, а легенды часто теряют неприятные детали. Кеан помнил, как в детстве другие дети называли его сыном убийцы. Помнил, как мать погибшего плевала на землю при виде Асера. Ответственность не исцеляла автоматически.

Асер поднялся с места.

— Я знаю, что вы хотите повторить со мной, — сказал он. — Отправить его строить, заставить платить, ждать, пока время сделает остальное. Не повторяйте слепо. Я убил в драке. Он приготовил огонь, ушёл и позволил другим войти внутрь. Это не одно и то же.

Риан посмотрел на старика.

— Ты хочешь моей смерти?

— Нет. Я хочу, чтобы мы не прятали мягкость за именем Эрина.

Мире попросила высказаться лекаря, родителей пострадавших, кузнецов, чьи мастерские сгорели. Потом слово дали самому Риану.

— Я не прошу простить, — сказал он. — Если останусь, каждый день буду видеть, что сделал. Если уйду, смогу придумать себе другую историю. Поэтому не изгоняйте.

Решение записали в трёх частях.

До восстановления склада Риан жил под надзором в доме пятого круга и не имел доступа к оружию, огню и общим запасам. Следующие семь лет половина его заработка уходила пострадавшим. После восстановления он должен был служить в пожарной смене, но только рядом с назначенным напарником. Любое нарушение возвращало дело на новый круг.

Сайла отдельно записала право семей отказаться от его помощи.

— Это не прощение, — сказала Мире. — Это дорога, на которую ты ещё не ступил.

Риан кивнул.

Когда собрание закончилось, Ретан подошёл к Кеану.

— В моём городе его повесили бы до полудня.

— И склад восстановился бы быстрее?

— Нет. Зато никто не сомневался бы, что закон действует.

— Здесь сомнение — часть закона.

— Поэтому вас так трудно завоевать. Вы спорите даже с собственной победой.

Кеан заметил у края площади Иару. Она разговаривала с северным писцом, задержанным на кургане. Тот показывал ей что-то на ладони.

— Что у тебя? — спросил Кеан, подойдя.

Писец сжал пальцы.

— Пустяк.

Иара ответила раньше него:

— Монета, которой ему заплатили за пакет. Такая же, как у Орса.

— Северное серебро, — сказал писец. — В этом нет преступления.

— Нет. Но на обеих монетах одна царапина возле короны. Их чеканили одним повреждённым штемпелем.

Кеан взял монету. На ребре действительно виднелся маленький полумесяц.

— Где получил?

— В постоялом дворе на северной дороге. Человек назвался торговцем солью. Лица не помню.

— Плащ?

Писец задумался.

— Серый. На руке белая повязка.

Иара торжествующе посмотрела на Кеана, но он не разделял её радости.

— Корс знает, как выглядят шаарские стрелы, северные ножи и наши узлы, — сказал он.

— Он мог собрать все ложные следы.

— Зачем страннику помогать королю? — спросила Иара.

— Может быть, он помогает не королю.

Сайла подошла с новой запиской. Бумага была дешёвой, слова — торопливыми.

«Тетрадь у того, кто сможет ею воспользоваться. Хотите вернуть прошлое — примите будущее».

Подписи не было.

К записке прилагался маленький кусок красного воска с отпечатком рассечённого солнца.

На этот раз герб был вырезан правильно.

Глава 6. Цена покровительства

Третий день переговоров начался с похорон Орса.

Его хоронили возле южной дороги, которой он пользовался чаще других. Вдова не плакала при людях. Она держала за плечи двоих сыновей и смотрела, как землю смешивают с солью, чтобы ветер не разобрал могилу.

Ретан пришёл без меча. Несколько жителей шептались, что северному командиру здесь не место. Вдова Орса сама позвала его ближе.

— Если ваш король не убивал моего мужа, найдите того, кто хочет, чтобы я так думала, — сказала она.

— Постараюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.